

Алишер Навои

СЕМЬ ПЛАНЕТ

(Сабъаи сайёр)

Фрагменты

перевод С. Липкина

Вступление

"Семь планет" - четвертая поэма знаменитой "Пятерицы" ("Хамсы") Алишера Навои, написанной на языке тюрки.

Основатель жанра "Пятерицы" - азербайджанский поэт XII века Низами Гянджеви (писал на фарси).

Низами создал пять эпических поэм, ставших для последующих поколений стихотворцев каноническими ("Сокровищница тайн", "Хосров и Ширин", "Лейли и Меджнун", "Семь красавиц", "Искандер-наме"). Многие поэты писали свои варианты "Пятерицы", или, вернее, вариации на тему "Пятерицы" (ответы, или назира), меряясь силой с Низами, вступая в поединок с гением. Можно сказать, что каждая поэма "Пятерицы" получила статус своеобразного шедевра, который должен сотворить подмастерье, дабы сделаться мастером.

Перу Навои принадлежат "версии" всех пяти поэм. Это "Смятение праведных" ("Хайратул-аброр"), "Фархад и Ширин" ("Фарход ва Ширин"), "Лейли и Меджнун" ("Лайли ва Мажнун"), "Семь планет" ("Сабъаи-Сайёра"), "Стена Искандера" ("Садди Скандарий").

"Семь планет" - сказочно-авантюрная поэма (как и всякая сказка, содержащая дидактический элемент), красочное, богатое образами повествование, имеющее сложную структуру. В сущности, это сборник сказок, - нанизанных, как жемчужины, на нить истории о Бахраме и Диларам.

Первый из публикуемых отрывков - из Вступления к поэме: здесь автор рассуждает о преимуществах поэзии перед прозой (среди всех поэтических жанров царит месневи); затем воздает хвалу своим предшественникам - Низами Гянджеви и Амиру Хосрову Дехлеви, индо-персидскому поэту XIII в. (четвертая поэма "Пятерицы" Хосрова имеет название "Восемь райских цветников").

Навои рассказывает предысторию написания "Семи планет" (разумеется, мистическую); затем объясняет, почему он внес в классический сюжет изменения (указывая на спорные моменты в сочинениях Низами и Хосрова, - при этом он судит с "реалистических позиций").

О преимуществе поэзии перед прозой; о том, что автор этой поэмы - лишь капля в море и пылинка на солнце в сравнении с прекрасноречивым Низами и индийским колдуном Хосровом

Мы сравниваем душу с цветником,
Где слово нежным веет ветерком;

Вернее, слово - жемчуга зерно,
Что было в море сердца рождено.

Слова-монеты блещут серебром:

Блестящие от стертых отберем.

В словесности достигший мастерства
На два отдела разделил слова:

Рассыпанные - прозой мы зовем,
Нанизанные - нарекли стихом.

Для истинных понятно знатоков,
Что выше и трудней ступень стихов.

Слова-жемчужины пленяют взгляд.
Они и сами по себе блестят,

Но выше мы должны их оценить,
Когда слова нанизаны на нить.

Оманский жемчуг радует глаза,
Когда блистает рядом бирюза.

Когда слова нанижет ювелир,
Их стройной красоте дивится мир.

Пусть камни, восхищая нас игрой,
Сыпучею возвысятся горой, -

Бесспорно, ими восхитится глаз,
Но не пленят порядком стройным нас.

Различны их величина и цвет,
И внутренней меж ними связи нет.

Пусть превозносят прозу до небес, -
Поэзии бесспорен перевес.

Нанизанная речь звучит сильней,
Но разновидностей немало в ней.

Не скрою к ним я искренней любви,
Однако всех прекрасней - месневи.

Не названы другие? Не беда;
Назвать их может каждый без труда.

В них стройность мы найдем и красоту,
Но все же месневи я предпочту:

Площадка двух срифмованных стихов -
Просторное ристалище для слов.

Придя туда, соперники-певцы
Покажут нам искусства образцы.

Один из седоков проворней всех.
Ну что ж? Благословим его успех!

Погнав коня, пусть он летит на нем,
С небесным соревнуется конем.

Свою отвагу пусть прославит он,
Своим човганом пусть поставит он

Клеймо победы на щеке небес,
Коню небес скача наперерез.

Один певец, властитель дивных чар,
Угнал на этом состязанье шар.

В руинах мира для людей Гянджи
Открыл он щедрый клад своей души.

Когда страницы, полные добра,
Исчерчивал он кончиком пера,

То кончик расщеплялся: так сладка
Была гянджинца тонкая строка.

Он сахар - не слова - пером дарил,
Он мускус изливал взамен чернил.

Страницы, мыслями услаждены,
То сахара, то мускуса полны.

Для сердца сахарная хороша,
А мускусной пленяется душа.

Весь Индостан, Китай пройди ты весь,
В тех странах неизвестна эта смесь.

И мускус он и сахар сочетал,
Чернилами он сахар пропитал

И сажу влажным мускусом смочил, -
Нигде подобных не найдешь чернил.

Как жизни нить, тонки слова его,
В них жизни постигаешь естество.

В его стихах - души высокий строй,
Его чернила - из воды живой.

Чернильницей владеет чародей:
Она - источник жизни для людей.

О нет, она - то самое русло,
Что воду жизни Хызру принесло.

Кто из певцов сравнится с Низами?
Могуча "Пятерица" Низами!

Не пять поэм - пять кладов пред людьми,
Второй Карун, рассыпал Низами!

Кто взвешивает жемчуг, тот найти
Сто тысяч кладов может в тех пяти,

Где каждый жемчуг, - нет ему цены, -
Краса короны, подать всей страны!

Владеет жемчугами тот певец,
На чьей главе - поэзии венец.

Как быстро путь стихов прошел поэт:
Так катится по шелку самоцвет!

Никто вослед не шел: один Хосров
Последовал за ним тропой стихов.

Нет, колдуном Хосрова назови:
В рабов своих волшебных месневи

Сын Индостана превратил людей.
Не говори: "индус", скажи: "злодей",

Пьянящей чарой назови его,
Нет, божьей карой назови его!

Пером, как пламя, обжигал он мир,
Огонь стихами низвергал он в мир.

Он сам - огонь, он - храм огня любви,

Нет, саламандрой ты его зови!

Мы уподобим небу каждый стих,
А мысли - звездам в небесах ночных.

Стихов его страницу мы сравним
С прекрасным мирозданием, - но с каким?

Свет разума живого - стих его,
Дух мысли в теле слова - стих его.

Миры - чертоги ночи - он воздвиг.
Нет! Что бы прежний зодчий ни воздвиг,

Всю прелесть перевозданную дворцов
Украшил позолотою Хосров.

Тот - нам раскрыл иремских роз красу,
А этот - пролил на цветы росу.

Привел нам тот, чья родина - Гянджа,
Красавицу, что так была свежа, -

Индус, преемник Низами прямой,
Натер ее румянами, басмой.

Тот - нам красавиц скромных показал,
А этот - их привел без покрывал.

Но так второй на первого похож,
Что близнецами ты певцов сочтешь.

Еще один искусный был писец,
Ума и тонкой мысли образец,

Но как ни изощрял он хитрый слог,
Тягаться с прежними двумя не мог.

Все, что сумел, осуществил Ашраф¹,
Пределы дара своего познав.

Пожалуй, был не очень он хорош,
Но в нем дурное тоже не найдешь.

Я сделался безумным и больным,
Несбыточным желаньем одержим;

¹ Ашраф - гератский поэт XV в., автор поэмы "Семь престолов" - назира на четвертую поэму Низами.

Хотя не в силах я дойти к ключу,
Я выпить море целое хочу;

Я даже горсти праха не сберег,
А вот мечтаю возвести чертог;

Я слабостью тростинки наделен,
А думаю о кладе, как дракон.

Чтобы, попав меж этими двумя,
Сомнениями душу не томя,

С их словом я бы мог свое равнять, -
Вернее, заменять иль изменять,

Из Хорасана войско повести,
Все сокрушая на своем пути,

Чтоб войска звучный и согласный шум
Поверг в смятенье Индостан и Рум,

Чтоб видел мир: стократ же я сильней,
И кесаря и раджи я сильней!..

Не похвальба ли этот разговор?
Да нет, не похвальба, а сущий вздор!

Друг против друга на доске стоят
И белых крепкий ряд и черных ряд.

Что делать пешке на такой доске?
Бессильная, замечется в тоске,

Но тщетно все: борьбой разъярены,
Ее затопчут кони и слоны.

У белых, у румийцев, конь силен,
У черных, у индусов, страшен слон.

Но пешка - нет, презренный муравей, -
Быть может, ощутит еще живей,

Повержена воителем во прах,
Свою беспомощность, постыдный страх

И силу, возвышения оплот,

И уничиженье муравей найдет.

Познает он бессмертные слова,
Он устрасит рыкающего льва,

Бессильный, обретет он талисман,
Всесильным станет он, как Сулейман.

И, может быть, ничтожный Навои
Осуществит желанья свои.

Автор объясняет причину разбивки семи садов и постройки семи дворцов; внося различные перемены, улучшает план садов и увеличивает пленительность дворцов; приносит извинения за дерзость и обращается с просьбой о прощении за смелость

Когда ночное небо, сей фигляр,
Нам показало свой коварный дар,

Оно в морскую превратилось гладь
И раковины стало набирать:

Так звездами зажегся небосклон,
По цвету каждая - хамелеон,

Таится в каждой сто различных чар,
А небо, удивительный фигляр,

То явит под завесою звезду,
То спрячет у Вселенной на виду,

Одну - счастливой делает звездой,
Зловещий облик придает другой.

Но, впрочем, не скажу, что так уж плох
Играющий в ракушки скоморох, -

Вернее, кукольник и лицедей,
Что забавляет куклами людей.

Сто тысяч звезд пленяют нас игрой -
Жасминоликих кукол светлый рой.

Нет, сотни тысяч сереброгрудых дев
Прельщают, соблазняют, заблестев.

Как часто я их прелесть узнавал
Под блеском сребротканых покрывал!

Их прелесть мне отвагу придает,
Моя мечта пускается в полет.

На крыльях изумления летя,
Беспомощный и слабый, как дитя,

Стремился я постичь движенье звезд, -
Нет, не далось мне постижение звезд!

Ошеломлен, подавлен, потрясен,
Я вдруг замолк: явился тихий сон,

Во тьму он сердца погрузил дворец.
Тогда, воображения творец,

Мою тоску художник превозмог:
Он светлой мысли расписал чертог.

Увидел я чудесный, тихий дол.
Кругом я всю равнину обошел.

На ней, небесный мне напомнив кров,
Семь возвышалось дивных куполов.

Вращались непрестанно купола²,
У всех окраска разная была.

Под каждым куполом имелся храм
Семь человек расхаживали там,

Семь обладателей таких примет:
По куполам подобран был их цвет.

Был первый черен с головы до ног:
Таким же черным был его чертог.

Из золота одежда - на втором,
Он златоцветным тешился вином.

Был третий яркой зеленью покрыт,
Одежда - изумруд, лик - хризолит.

Четвертый красным зданием владел,
Одежду цвета розы он надел.

² Вращались непрестанно купола. - Здесь метафорически отражены воззрения средневековых астрономов: семь куполов - это семь небесных вращающихся сфер (буквально - "небосводов" ("фалак")).

Был пятый в одеянье голубом,
И обитал он в зданье голубом.

Шестой, благоухая, как сандал,
Сандаловым чертогом обладал.

В чертоге белом пребывал седьмой,
Камфарною сверкая белизной.

В неделю было каждому дано
В один из дней плясать и пить вино.

Одной планеты каждый был царем,
Владел ее людьми, ее добром.

Всех семерых царей я посетил,
У каждого по дню я прогостил,

И ласковый мне оказав прием,
Мне каждый повесть рассказал о том,

Что на своей планете видел сам.
Неслыханным внимал я чудесам.

Был каждый поразителен рассказ,
Глубокий, дивный смысл меня потряс,

Так были все рассказы хороши,
Что я нанес их на листы души.

Едва души заполнил я дневник.
Явился Хызра вещего двойник.

"О путник, обходящий небеса, -
Сказал он мне, - ты слышал голоса

Семи людей, властителей планет,
Но сущность их постиг ты или нет?

Ты очевидцем тех диковин был,
Но взор твой вправду ли духовен был?

Из чистых уст невиданных людей
Запомнил ты семь чудных повестей,

Но ясен ли тебе их семицвет?

Ты сущность понял ли семи планет?"

Дивясь прекрасной старости его,
Остерегаясь ярости его,

Ответил на вопрос я мудреца:
"О ты, кто светом своего лица

Нам перворазума, являет суть!
Я по чужбине совершаю путь.

Есть мудрость: "Чужестранец - как слепой".
Я, как слепой, стою перед тобой:

Я ничего не понял из того,
Что видел я. От взора моего

Сокрыто назначенье тех семи.
Прошу: завесу тайны подними".

А он: "Раскрытие тайны - твой удел.
Высок необычайный твой удел.

Отрада есть в известиях моих:
Небесный свод в созвездиях своих

Счастливую нашел тебе звезду.
Узнай: причастный высшему труду,

Хранитель слов стоял настороже
И пять сокровищ сотворил в Гяндже.

Тогда, решив пленить и слух и вкус,
Сокровищ столько же сложил индус.

Хотя и совпадает их число,
Хотя сверкает каждый стих светло,

Но для сравнения прежние возьми, -
Окажется богаче Низами.

И ты, их славословящий в трудах,
Добыл два-три сокровища в трудах.

Узнай: настало время для пера,
Четвертой книги пробил пора.

Четвертый жемчуг светит впереди, -
И ты его в порядок приведи.

Ты сочини могучие слова,
Соедини четыре вещества,

Приверженцами сделай всех людей,
Четвертой частью мира завладей.

Мы знаем "Семь красавиц", а Хосров
Явил нам "Восемь райских цветников".

Ты, обойдя равнинные пути,
Напротив них обязан возвести

Семь зданий, семь искусных крепостей!
Услышал ты семь дивных повестей, -

В них заключается благая весть.
Всем сердцем эту постигая весть,

Ты повести обязан изложить,
Благоволенье неба заслужить.

Ты видел семь чудесных куполов:
То были семь небесных куполов.

Ты семь царей под ними посетил:
То были семь сверкающих светил.

Воздвигни для поэмы семь столпов:
Воздвигни разноцветных семь дворцов.

В семи дворцах, житейских бурь вдали,
Семь разноцветных гурий посели.

Семь повестей стихами оживи -
Пусть люди обретут слова любви,

Источник жизни дивный обретут,
Веселья клич призывный обретут,

Жемчужины для слуха обретут,
Успокоенье духа обретут!

Блеснуть своих рассказчиков заставь, -
Ты превратишь неведомое в явь,

Их сказки ты в сказанья превратишь,
И в трудном состязанье победишь!"

Я выслушал святого старца речь,
Я в памяти сумел ее сберечь,

Но позабыл я толкованье сна,
Когда проснулся в обаянье сна.

Внезапным беспокойством одержим,
Нет, разума расстройством одержим,

Я жаловался: "Жребий мой суров.
Где совершенный толкователь снов?"

Премудрого нашел я наконец,
Мне тайну сна растолковал мудрец,

И слово в слово изложил он мне
Все, что от старца я узнал во сне.

Доволен совпадением таким,
Утешен сновидением благим,

Я обратился к светлому труду
В надежде, что к победе я приду,

Что поведет меня предвечный бог
Труднейшей, но вернейшей из дорог.

Хотя немало отговорок мне
Пришлось тогда услышать, - дорог мне

Был новый труд, завещанный творцом.
Благоговея перед образцом,

Приемля вдохновенья благодать,
Решил я осторожность соблюдать.

Те, что водили ранее пером -
Умения, старания пером, -

Так расписали все страницы книг,
Что книги засверкали, как цветник.

Я их с постройкой каменной сравню,

С китайской, яркой храминой сравню!

И в наши дни их ценят глубину,
Им похвалу сказать я не дерзну.

Вселенную, раскрыв свои ларцы,
Алмазами осыпали певцы.

То не ларцы, то море, то рудник,
Обильные жемчужинами книг!

Даритель, став источником щедрот,
Жемчужины без счета раздает,

Но так раздать, чтоб равное число
Досталось всем, я знаю, тяжело.

Из тысяч поливальщиков садов,
Кто розовую воду лить готов?

Тот мастер, что искусством знаменит,
Не зная страха, жемчуг просверлит,

И что ж? Испортит жемчуг дорогой
Умелою, но дерзкою рукой.

Кто слишком горд и слишком знаменит,
Тот в промахе себя не обвинит.

Но тот, кто к громкой славе не привык,
Опасливый и скромный ученик,

Благоговея пред своим трудом,
Начнет работу в трепете святом,

Прилежно постигая ремесло,
Он сократит оплошностей число.

Те двое, о которых шли слова,
Явили нам вершины мастерства,

Явили ткань прошедшего они,
Но ткали опрометчиво они.

Я не скажу: неровны их стихи,
Нет, их грехи - невольные грехи,

Затем что их пленительный рассказ
Украшен ими тысячью прикрас.

Те двое - чародеи, колдуны,
Поэмы их на радость нам даны;

Они чуждались промахов, творя
Сказанья, что сияют, как заря.

Но я ошибки нахожу у них.
Послушаешь - я расскажу о них.

Вот первая: в поэме нет любви,
Ее не озаряет свет любви,

Страдания любви ей далеки!
А на того, кто, жизни вопреки,

Не следует велению любви,
Не ведает горения любви, -

Мы не глядим, по правде говоря,
Пусть даже он сияет, как заря!

Они старались летопись вести?
Но в летописи рифмы не в чести!

Когда созвучья ищешь слову ты,
Любовь клади в его основу ты,

Чтобы сердечной глубины достиг
Огнем любви воспламененный стих:

Иначе станет вымысел грехом,
Безвкусным и растянутым стихом.

Но истиною обернется ложь,
Когда стихи любовью ты зажжешь:

Тому, кто ей послушен, - помоги,
Того, кто равнодушен, - подожги!

Второй упрек: в поэмах этих двух
Противоречья режут тонкий слух.

Для наслаждения, по их словам,
Велел построить семь дворцов Бахрам,

Привел царевен всех семи планет -
Подобной красоты не видел свет.

Он с каждой пребывал в один из дней
Для утоленья похоти своей.

Но странно, что, приверженный к вину,
Склоняясь, в опьянении, ко сну,

От каждой луноликой, чтоб заснуть,
Он сказки ожидал какой-нибудь.

Ужели это им на ум пришло, -
Сказительницы выбрать ремесло?

Так делают не дочери царей,
А дочери сказителей скорей!

Кто пьет все дни и ночи напролет,
Кто, вечно пьян, из полных кубков пьет,

Живет, не зная никаких забот, -
Ужели тот без сказок не заснет?

А не заснет он, как бы ни был пьян,
В сказительниц - на. то и разум дан -

Не превратит царевен властелин:
Он позовет сказителей-мужчин.

Приказывать не станет он вовек
Царевнам юным, созданным для нег,

Прославленным в святилище любви,
Превознесенным в сотнях месневи,

Чьи очи, томной дремою полны,
От стольких тысяч глаз прогнали сны,

Чьи губы ярче яркого вина,
Вернее, жарче жаркого вина:

"Красавицы! Хочу послушать вас,
Без отговорок вы должны сейчас

Мне сказку рассказать: пришла пора.

Вы, бодрствуя, томитесь до утра,

А я, поев и насладясь вином,
Забудусь тихим, безмятежным сном".

Где слыхано, чтоб умный человек
К такому принуждению прибег?

"Пусть было так", - я допущу на миг,
Другое дело ставит нас в тупик:

Не знаю, как пришло на ум певцам,
Единственным в их время двум певцам,

Чья слава так безмерно широка, -
Подобного прославить дурака,

Ему слова почета вознести,
Хваления без счета вознести,

Поставить между лучшими его,
Воспеть стихов созвучьями его.

Труд посвятив сокровищам пяти,
Одно из них - ему преподнести...

Что за сокровища! О боже сил,
Мучительный восторг нас охватил!

Пред блеском их таинственным стоим,
Признательны единственным - двоим.

Но пусть вовек не смолкнет им хвала, -
К небрежности их гордость привела.

Незряч самоуверенный певец:
Не видит упущения слепец.

Я - робкий подмастерье, без заслуг.
Неискушен, неопытен мой слух.

Как я боюсь в приемах согрешить,
Страшусь невольный промах совершить!

Мне осторожность потому нужна,
Что каждая ошибка мне страшна.

Понять хочу я слово, как знаток,
Постичь его основу и уток,

И за успех я должное воздам
Своим наставникам-учителям.

К чудесной сказке страстью заболев,
Верней, влюбившись в сладостный напев,

Желая осторожность соблюсти,
Я измененья должен был внести:

Во имя осторожности такой
Я не нашел возможности другой.

Тот, кто прочтет, увидит все равно,
Что именно и где изменено:

Об этом говорить излишне мне.
Я слаб; о, помоги, всевышний, мне:

Для муравья бессильного трудна
Работа исполинского слона.

Велик мой труд, а я безмерно мал.
Для солнечной свечи отлить шандал,

Построить лестницу до облаков,
Сплести аркан из нитей пауков,

Дракона паутиною связать -
Как я могу на это все дерзать!

Но так как бог мне помогал досель,
Я смелости познал безумный хмель.

Хочу идти труднейшей из дорог,
И если мне окажет милость бог,

То солнце я в пылинку заключу,
Я океан в росинку заключу,

И в недрах потрясенных толп людских
Столпотворенье вызовет мой стих.

Когда пером страницы распишу,
Я чудеса такие совершу,

Что на земле воздвигнется беда,
Как в страшный день последнего суда!

О бедствиях опасно говорить,
Но сердце жаждет страстно говорить,

Но сердце жаждет света, и добра,
И песни, спетой голосом пера.

Сооружение дворцов

Шаханшах (царь царей) Бахрам Гур был безумно влюблен в свою наложницу Диларам, виртуозную музыкантшу. Но, как говорится, - "минуй нас пуше всех печалей и барский гнев, и барская любовь".

Однажды на охоте Диларам, наблюдая снайперские подвиги шаха, вместо похвалы заявила, что не видит в умении Бахрама ничего удивительного - мол, недаром же он упражнялся в искусстве стрельбы всю жизнь. Шах вскипел и в приступе гнева приказал оставить любимую в пустыне - на съедение волкам.

На следующий день, конечно, он раскаялся и впал в жесточайшую депрессию, граничащую с безумием.

Придворные целители, как могли, старались излечить недуг государя.

...Под благостным воздействием наук
Стал менее мучительным недуг,

Частичного здоровья шах достиг,
Луч разума в безумный мозг проник.

Сказали врачеванья знатоки:
"Теперь избавим шаха от тоски.

Лечили мы и холили его -
Спасем от меланхолии его.

Как быть нам с одиночеством его?
Займем искусным зодчеством его!

Он телом слаб, и взгляд его угрюм, -
Займем постройкой зданий скорбный ум,

И созерцанье зодческих работ
Успокоенье шаху принесет.

Когда строитель, мыслью вдохновлен,
Покажет свой дворец со всех сторон,

Когда покажет смелый он чертеж,
Где старое и новое найдешь, -

Забудет шах любви опасный зов,
Весь поглощен строительством дворцов!"

Решив, что мысль такая хороша,
Больного шаха исцелить спеша,

Сановники одобрили врачей...
И вот узнали семь земных царей,

Что заболел тоской великий царь.
И так как был для них владыкой царь,

То все отправились в его чертог -
Ресницами мести его порог

И днем и ночью состоять при нем!
И каждый шаху верным был рабом,

И каждый клялся дружбою своей,
Гордился каждый службою своей,

Бахраму угождал, как только мог,
В надежде, что, когда поможет бог,

Пойдет о них в народе добрый слух,
Шах наградит вернейшего из слуг.

Когда постановили мудрецы
Построить небывалые дворцы, -

Тогда цари семи частей земли
К согласному решению пришли:

Усердье проявив, молясь творцу,
Они построят каждый по дворцу -

Изящества он будет образцом,
Творения сияющим венцом,

А шах больное сердце развлечет,
Следя за ходом зодческих работ.

Бахрам слова их принял в добрый час:

Его согласие - милость и приказ...

Тянулись от столицы семь дорог.
По ним народов двигался поток,

Дороги эти длинные вели
К столицам всех семи частей земли.

В начале каждой из семи дорог
Воздвигнуть было решено чертог.

Строителей не молкли голоса
И шумом оглушали небеса,

А те дарили им свои лучи,
Из солнца создавая кирпичи.

И говорили, их труды хваля:
"Семь райских куш вместит в себя земля!"

Дворцы росли, меняясь па глазах,
И, созерцая их, увлекся шах.

Вот, проявив усердье, наконец
Закончил каждый зодчий свой дворец.

Покуда шло строительство, Бахрам
Дивился башням, лестницам, стенам,

Многоискусных зодчих мастерство
Целебным средством стало для него.

Могучие дворцы достигли туч,
Но каждый зодчий тоже был могуч,

Свою работу каждый кончил в срок,
Украсились дворцами семь дорог...

Вот улеглось смятение любви,
Утихло наваждение любви, -

Но тут работы кончились, и впредь,
Казалось, шаху не на что смотреть.

Но молвили четыреста врачей,
Премудрости четыреста свечей:

"Еще одно лекарство нам дано:
Искусством называется оно.

Художники, прекрасного творцы,
Пусть разукрасят царские дворцы,

Их живопись, волшебна и нежна,
Для шаха стать целебною должна.

Пусть вдохновенье, озарив сердца,
Распишет стены каждого дворца,

Окрасив, их в один и тот же цвет
Снаружи и внутри, - вот наш совет".

Вот привели сановники Мани,
И молвили художнику они:

"Ты создал кистью множество картин,
Явил ты всем художество картин,

Искусства красок ты вершиной стал,
Услады царской ты причиной стал, -

Здоровья царского причиной будь,
А мы тебе укажем верный путь.

Перед тобою - семь дворцов, Мани.
Немедленно их украшать начни,

Их распиши снаружи и внутри,
Но семь цветов различных избери.

Тебе не скажем: "Так, мол, распиши", -
Ты следуй лишь велениям души;

"Не делай так!" - ненужные слова.
Не станем нарушать твои права, -

Так распиши, как пожелаешь сам".
Художник, руку приложив к глазам,

Ответил: "Хорошо. Вот мой приказ:
Все нужное доставьте мне тотчас".

И каждый по приказу поступил,
И мастер к делу сразу приступил.

Из всех земель Бахрама и держав,
Художников искуснейших создав

И тех, кто позолоту наводил, -
Для каждого работу находил.

На семь отрядов их разбил Мани;
В семи дворцах работали они,

А сам учитель попевал везде:
Он - вдохновитель их в святом труде.

Искусством увлечен, по всем дворцам
Ходил с утра до вечера Бахрам,

Картины целый день обзревал,
И в каждой новый мир он открывал.

Он о своей кручине забывал,
Он бытие в картине познавал!

Пленила сердце роспись мощных стен,
Забыло сердце свой любовный плен.

Прошло немного времени, и вот
Величественны, как небесный свод,

Окрашены в различные цвета, -
Дворцы готовы: прелесть, красота

Сюда из райских перешли садов,
И стали семь дворцов - семи цветов!

Хотя в душе Бахрама не погас
Огонь любви, он ослабел сейчас.

Тогда сказал врачей высокий круг:
"Нашли мы средство устранить недуг.

Семью дворцами обладает шах, -
Семь гурий поселим в его дворцах.

Подчинены Бахраму семь царей,
Отцы семи красавиц дочерей.

Царевны эти - гуриям сродни,

Бахраму будут женами они.

Их музыкой, их пеньем опьянен,
Он будет их любовью исцелен".

Державы многодумные столпы
К семи царям направили стопы,

Нашли семь гурий, чудо из чудес,
Семь ярких солнц за пологом небес,

Семь бедствий мира, семь его даров,
Сознания разрывающих покров,

Семь ясных звезд, - а блеск их нужен всем,
В ларце невинности - жемчужин семь!

Да, звезды, но сокрыт их нежный свет,
Жемчужины, и в них изъяна нет!

Не только слово - самый тонкий стих
Изобразить не в силах прелесть их!

Когда узнали семь земных царей,
Каков совет премудрых лекарей,

То поразились: в голову царям
Ни разу не пришло, что шах Бахрам

К себе в гарем возьмет их дочерей!
Но, выслушав посланцев, семь царей

Ответили с покорностью в очах:
"Поступим так, как соизволит шах,

Мы - капли малые в его морях,
Мы - под ногами шаха бранный прах,

Пылинки мы: вознес он к солнцу нас.
К чему согласие наше иль отказ?

Он - царь царей, он украшает мир!..
И каждый свадебный устроил пир.

Когда же наступил конец пирам,
Семи красавиц мужем стал Бахрам.

И каждая вступила в тот дворец,
Который строил для нее отец.

И вот, согнав с лица Бахрама тень,
Врачи установили час и день,

Когда, в какой дворец ему входить,
Кого из обитательниц почтить.

Семь дней и семь цветов

Цвета семи роскошных дворцов, выстроенных для утешения шаха, соответствовали аллегорическим цветам семи известных в те времена "планет" (отсюда и название поэмы). По версии Навои цвета и планеты распределялись следующим образом: черный цвет - Сатурн, золотой - Марс, зеленый - Меркурий, красный - Солнце, голубой - Луна, сандаловый (бледно-коричневый) - Юпитер, белый - Венера.

Хозяйками дворцов стали жены шаха - царевны, дочери "семи царей земли" (ойкумена по представлениям средневековых ученых делилась на семь частей (климатов)).

В каждый из семи дней недели шах по плану навестил одну из супругов. Субботу он посвятил индийской красавице - царице Черного дворца; в воскресенье осчастливил жену-румийку (византийку) во дворце Золотом... - и т.д. вплоть до пятницы, когда Бахрам навестил супругу-китайку - в чертоге Камфарноцветном (т.е. белом)³. Очередность визитов - от дворца к дворцу (от планеты к планете) - определялась соответствием планеты дню недели.

Навои описывает шаховы визиты весьма колоритно, используя "цветовые" метафоры.

Например, так начинается золотое воскресенье:

В воскресный день, когда зажглись лучи,
Оделось небо в платье из парчи.

Прекрасен пери золотой наряд,
Ее ланиты розами горят.

А шах - он солнцем бы назваться мог:
Он в золоте от головы до ног.

Он щедро сыплет золото свое,
И купол золотой - его жильё.

Красавица румийка входит в дом.
Она - как солнце в небе золотом,

³ В поэме Навои не всегда уточняется, дочь какого народа посещает Бахрам в цветном дворце, - в отличие от "Семи красавиц" Низами, где точно указывается нац. принадлежность жен. У Низами красавицы несут вполне определенную семантическую нагрузку - каждая из них олицетворяет одну из семи частей света (климатов). Часть света, соответствующая ей планета, цвет, день недели - это сложно переплетенные метафоры-символы одной из ступеней (стоянки - макама) духовного пути, который проходит Бахрам, посещая дворцы - от черного к белому.

"Семь планет" Навои - более реалистичная поэма, главное в ней, - дидактическое наполнение притч, а также правдоподобие, "жизнеподобие" повествования, - сам автор манифестирует эти интенции во Вступлении.

То есть, у Навои роль красавиц как аллегорий ослаблена.

Вот в желтом кубке - желтое вино,
То пламя в пламени заключено.

Кровавым блеском исходил дворец,
Под сводами как бы пылал багрец.

Бахрам - как саламандра в том огне,
Не саламандра - солнце в вышине!...

Или - зеленый понедельник:

Вот солнце понедельника взошло,
Небес желто-зеленое стекло

От ржавчины отмыло: засверкал
Небесный свод сверканием зеркал

И пожелал, исполненный причуд,
Чтоб вспыхнула заря, как изумруд,

В таинственном сиянии своем...
В зеленом одеянии своем,

Зеленый тополь взяв за образец,
Бахрам в зеленый поспешил дворец.

К нему в покои гурия вошла:
Небесная лазурь ее вошла,

Зеленой веткой гибкою вошла,
Со сладостной улыбкою вошла:

Улыбка - сахар нежного стручка,
А зелень хороша, когда сладка!

Игрива, и нежна, и весела,
Царевна кубок шаху поднесла.

И принял шах лазоревый сосуд,
Из рук луны он принял изумруд...

Каждый вечер во дворец шах приглашал странников, дабы те развлекали его интересными рассказами (гостей же выбирал следующим образом: приказывал слуге выйти на дорогу и первого встречного путника привести во дворец).

Рассказы чужестранцев - это самостоятельные новеллы, искусно вплетенные в "исходное" повествование; нравоучительные истории - о щедрости и скупости, честности и лживости и т.п.

(новеллы также "окрашены" в цвет дворца). Собственно, эти притчи и составляют основное содержание поэмы.

Представляем вам две последние новеллы недельного цикла (в четверг шах отдыхал в Сандаловом, в пятницу - в Камфарноцветном дворце).

Четверг. Бахрам в Сандаловом⁴ дворце

Когда рассвет ночную тьму отверг,
Натер сандалом небосвод в четверг

И ветерок, по небу устремясь,
Принес благоухающую мазь, -

Почуял свежесть утра свод небес,
С его лица ночной покров исчез.

В Сандаловом дворце Бахрам избрал
Себе наряд, желтевший, как сандал.

Он быстро на сандаловый престол,
Благоухая, как сандал, взошел;

Сандаловою свежестью дыша,
Сандаловыми платьями шурша,

Красавица, раскрыв свою ладонь,
Кусок сандала бросила в огонь.

Сандал душист, - огонь ему помог:
Стал полон благовоньями чертог.

Пошла по кругу чаша. Чудом, что ль,
Прошла похмелья головная боль?

Нет, кравчий наш догадливый схитрил,
В густом вине сандал он растворил.

Но ворон тьмы опять крыла простер.
Раскрыла ночь свой мускусный шатер.

Звездами полог неба заблестал -
То на куски рассыпался сандал.

Для пери наступил прощанья миг,

⁴ Сандал - дерево с ароматической древесиной, содержащей эфирные масла. Из сандала добывают краситель (желтый, бледно-коричневый), а также средство от головной боли.

Как солнце, скрылся благодатный лик.

Шах пожелал, чтобы скорей заснуть,
Услышать сказку от кого-нибудь.

Был приведен скиталец во дворец,
В морях словесных опытный пловец,

Молитву прочитал сначала он,
И запах источил сандала он.

Сказал: "Доколе будут небеса
Вращаться по примеру колеса,

Доколе звездный светоносный круг
Не прекратит своих кружений вдруг, -

Превыше неба шахский будет рост,
А шахский конь - быстрее падучих звезд!»

В метанье жемчугов - какая цель?

Так начал он:

Рассказ путника, приведенного с дороги в Сандаловый дворец

"Из западных земель

Два путника спешили на восток:
Они случайно с двух сошлись дорог.

Один из этих путников - Мукбель⁵.
Он, странствуя, познал степную пыль.

Мудбиром⁶ путник назван был другой,
Он был знаком с дорогою морской,

Мукбель счастливым, честным шел путем,
Вступал как вестник счастья в каждый дом.

Мудбир, в ком правды не было следа,
Несчастье людям приносил всегда.

Пустыней шли скитальцы на восток,
По ней бы не пошел путей знаток.

⁵ Мукбель - "удачливый".

⁶ Мудбир - "неудачник".

Ее вода, земля и цветники -
Нефть, сера, тернии, солончаки.

Зловоньем исходил пустынный прах,
Был смертоносный яд в его парах.

Обугливал, как пламя, ветер злой,
И становился человек золой,

Но тот же ветер, вспомнив о золе,
Развеивал ее по всей земле.

Здесь, в страшном зное, обитала смерть.
Здесь все живое обретало смерть.

Была пустыня жаром сожжена.
Она была недаром названа

"Долиной сатанинского огня".
Решил Мукбиль, терпение храня,

Молясь и уповая на творца,
Пройти дорогу бедствий до конца.

Мудбир, законы дружества поправ,
Свой черный, злобный обнаружил нрав.

Он возроптал: "Ужель всеильный бог
Ручья в пустыне сотворить не мог?"

Ужели богу не хватило сил?"
Он господу, как пьяный, поносил.

Потом, спустившись с этих ступеней,
Стал друга поносить еще сильней:

"Зачем, свои надежды загубя,
Избрал я, слабый, в спутники тебя?"

Тот день, когда мы двинулись вдвоем,
Стал для меня, увы, злосчастливым днем!"

Мукбиль Аллаха славил, и была
Приятна небесам его хвала.

Он спутника увещевал не раз,
Но, видно, тот в грехах своих погряз:

Терзал Мукбиля низкий человек.
Мукбиль страдал, пока не пересек,

Товарища ни разу не вина,
"Долину сатанинского огня".

Пустыня горя скрылась из очей,
Открылось море тягот и скорбей.

Мукбиль, познав мучения предел,
Идти с Мудбиром дальше не хотел:

Он натерпелся от него обид!
Сказал ему: "Разлука предстоит".

Восстановить желая прежний мир,
Стал о прощенье умолять Мудбир.

Так плакал, так расстраивался он,
Так искренне раскаивался он,

Смирненно так он ползал по земле,
Что, позабыв о причиненном зле,

О вздорной ругани в степной глуши,
Мукбиль его простил от всей души.

Вот к пристани скитальцы подошли.
У пристани столпились корабли.

Один из них к отплытию готов:
Достигнет он восточных берегов.

Тут оба развязали кошель,
Сандаловый челнок приобрели.

Был к кораблю привязан тот челнок,
И путники отплыли на восток.

Корабль, как птица, по морю летел.
Мудбир, считая горьким свой удел,

Себя несчастным чувствуя вполне,
Опять склонился к вздорной болтовне.

Хотя его от смерти спас господь,

Вновь начал вздор кощунственный молоть.
Чего же он достиг, творца хуля?
Поднялся ветер - недруг корабля!

Но были спутники поражены
Не столь внезапным бешенством волны,
Сколь дерзостью Мудбира: "Эй, Аллах,
Не вижу смысла я в твоих делах!

В глухой пустыне жаждой нас томишь,
В морской пучине гибель нам таишь.

Смотри: чрезмерность - в этом, крайность
Нелепость - в этом и случайность - в том.

Не диво, что такая кутерьма
Рождает помутнение ума!"

Так сквернословили его уста.
Зловонное дыханье изо рта

Проникло в море. Волны поднялись
И неба избиеньем занялись.

За валом набегал свирепый вал.
Веревки резкий ветер разорвал

И разметал челны по сторонам
Поплыли, словно рухлядь, по волнам.

Большой корабль неведомо куда
Взъярившаяся унесла вода.

Немногие спаслись на корабле:
Мукбиль с Мудбиром были в том числе.

Метался в море утлый их челнок:
Мудбир несчастье на него навлек.

Стоял Мукбиль, в молитву погружен.
Опасности он видел с двух сторон:

С одной - морского ветра злобный вой,
Злокозненность товарища - с другой.

Но возымела действие мольба,
Над ними смилостивилась судьба.

Утихло море, наступил покой,
Поплыл челнок по глади голубой.

Мукбиль прославил божий приговор.
Вперя в море благодарный взор,

Увидел он предмет в дали морской,
Округлостью своей и синевой

Подобный небу. Веял на челнок
Оттуда вестью жизни ветерок:

Не запахи морские были в нем -
Дыхание мессии было в нем,

Оно благоухало, как сандал,
Мукбиль его с надеждою вдыхал.

Благодаренья совершив поклон,
В ту сторону челнок направил он,

В единый миг приплыв издалека:
Ведь счастье было кормчим челнока!

Сандалом оказался тот предмет.
Достиг небес его могучий цвет.

Блестящ и гладок, зелен и душист,
Был зеркальцу подобен каждый лист:

В него заглянешь, от греха далек, -
Увидишь счастья своего залог.

Безбрежным морем окружен, сандал
На круглом острове произрастал.

Он был столпом небесной синевы,
Прикрыла море тень его листвы,

Была им затененная волна,
Как амбра, благовонна и черна.

Была большая впадина в стволе,
Широкий, светлый ключ бежал в дупле,

Он серебру не уступал ничуть,
А пузырьки напоминали ртуть.

Впадал он в море, весело журча,
Ни разу ветер не достиг ключа.

Два путника на лоне той земли
Отдохновенье, наконец, нашли.

Была подобна сказке эта быль!
На сушу вышел радостный Мукбиль,

И корень дерева его привлек.
Он крепко к корню привязал челнок

И сразу же в расщелину полез,
И камень он увидел: камнерез

На нем в неведомые времена
Диковинные вывел письмена.

Тот камень был красиво продолблен,
Пестрел он, древний, знаками письмен.

Два бедных странника такую весть
Сумели в древней надписи прочесть:

"Ступив на этот неизвестный брег,
Диковинки увидит человек;

Понять бессилён будет ум его,
Что перед ним - сандала волшебство;

Захочет он, преодолев труды,
Из чистого ключа испить воды;

Он выпьет - сразу жажду утолит,
Он выпьет - сразу голод удалит.

И если этот человек правдив, -
На целый месяц, из ключа испив,

Насытится он сладостью воды,
В еде, в питье не ведая нужды.

А если лжец хлебнет воды глоток, -

Насытится лишь на короткий срок:

Три дня он будет сыт, потом опять
Он станет жаждать, станет голодать.

Когда воды чудесной изопьешь,
Произносить остерегайся ложь:

Вмиг разорвется брюхо у лжеца,
Дождется он позорного конца!

Воды второе свойство таково:
Нырнешь в нее - увидишь волшебство.

Войдет в ту воду лжец - сгорит дотла,
Он будет сварен, как внутри котла.

Войдет в нее правдивый человек, -
Он воду жизни обретет навек.

Едва и нос и уши он заткнет,
Зажмурится и в чистый ключ нырнет,

И смоеет путешествия следы,
И голову поднимет из воды, -

Откроется в тот миг его глазам...
Но что увидит - он увидит сам,

Словами это передать нельзя!
Пусть помнит он: нырнуть опять - нельзя:

Едва нырнет он снова, - навсегда
Иссякнет чудодейная вода".

Когда прочли скитальцы письма,
Объяла страсть заклитого лгуна:

Он пожелал насытиться водой,
Уйти от лжи и болтовни пустой;

Увы, не мог он вздора не молоть,
Обман вошел и в кровь его и в плоть,

Но так он жаждал, так он голодал,
Что клятву дал он, глядя на сандал:

"О господи, меня ты уничтожь,
Когда хоть раз произнесу я ложь!"

Поклявшись так, - к гибели пришел,
Оставил жизни многоводный дол.

Вслед за лжецом его правдивый друг,
Сперва занявшись омовеньем рук,

Слова молитвы набожно шепча,
Испил из благодатного ключа.

К источнику припал он в добрый час,
Себя от голода и жажды спас.

Мудбир, предупрежденья не боясь,
Решил в ключе свою оставить грязь.

Вошел в него, раздевшись догола, -
Вода, вскипев, всю ногу обожгла!

Правдивый, чресла повязав платком,
Стал наслаждаться влажным холодком.

Как судно в море, в воду он входил,
За ним приятель пристально следил.

Вот праведник нырнул, и в тот же миг
С ним слился отраженный им двойник.

Вот высунул он голову, и вдруг
Он понял, в светлый глянув ключ: вокруг

Струилась не проточная вода, -
Нет, эта беспорочная вода

Широкий наполняла водоем!
Так были гладки все камни в нем,

Как будто человек их обтесал.
Был каждый камень желтым, как сандал.

Пред водоемом сад - второй Ирем,
В Иреме том увидел он гарем...

Из водоема выйти не успев,
Мукбиль увидел среброногих дев.

Сухие полотенца развернув,
Атласные одежды протянув,

Подводные служанки подошли,
Лаская сердце жителю земли.

Мукбиля девы стали растирать;
Почувствовал купальщик благодать:

Сандалом веяло от этих дев!
Одежды на купальщика надев,

Воздев ему на голову чалму,
Служанки руки подали ему

И повели в сандаловый чертог;
Казалось: жизни дух его увлек,

С землею, мнилось, потерял он связь,
В иной, нездешний мир перенесся.

От изумления не чуя ног,
Вошел Мукбиль в сандаловый чертог.

Увидел: своды неба и дворца
Соприкасались под рукой творца.

Сиял дворец, как жизни вечный сад,
Он радость увеличивал стократ.

Со всех сторон его облек сандал,
Айван - сандал и потолок - сандал,

А посреди дворца стоял престол,
Что, как сандал, весь в золоте расцвел.

На нем увидел праведник одно
Таинственное существо: оно,

Прекрасное, - не джинн, не человек, -
Бессмертным солнцем я б его нарек!

Духовен самый облик существа:
В нем признака не видно вещества.

В нем праха нет, воды и глины нет,

Лицо его - потусторонний свет,

А стан его сияет изнутри,
Как пальма рая, словно луч зари.

Его краса - краса иремских рощ,
В ней земнородный обретает мощь,

Его краса - небесных сводов твердь,
В ней земнородный обретает смерть.

Как звезды, вокруг него, светлы, чисты,
Блистали пери блеском красоты.

Их блеску поразился человек.
Свершило чудо на него набег.

Мукбиль, сознание потеряв, упал,
Он пожелтел и высох, как сандал.

К беспомощному пальма подошла,
Коснулась пальцами его чела.

Ее дыханье жизнь вернуло вновь.
Он бросил взгляд - ушла из сердца кровь.

Пришел в расстройство праведник в чалме,
Он то в своем, то не в своем уме.

Красавица, нисколько не чинясь,
Над путником пылающим склонясь,

Душе пугливой принесла покой,
И мягкостью своей и добротой

Придав ей смелости. Едва привык
Мукбиль смотреть на солнцевидный лик,

Она, прижавшись, села рядом с ним.
Мукбиль, желанья пламенем палим,

Терпенью, волю потеряв, ослаб
В оковах страсти, как безвольный раб.

Нет, не вмещала этой страсти грудь,
В мучениях рвалась на части грудь!

Вот пери встала, руку подала,
Влюбленного к престолу подвела.

Пред нею прах поцеловал ходжа
И произнес, пылая и дрожа:

"Как я могу на сей престол воссесть?
Заслужена ли мной такая честь?"

Но так она почтительна была,
Мягка и обходительна была,

Что мы ее рабыней бы сочли.
Забыл свою степенность сын земли,

Влюблен в луну, забыл подлунный мир.
Сел на престол, а рядом с ним - кумир.

Им яства и напитки поднесли,
Всего им в преизбытке поднесли,

Был тонкий в каждом кушанье состав.
Вот, райским блюдам должное воздав,

Они к вину склонились ввечеру,
И кубки зазвенели на пиру.

Чудесно разрисованный поднос
Явил им вина разноцветных лоз

И в чашах и в кувшинах расписных, -
Сандалом, амброй веяло от них.

Красавица свой кубок подняла,
От уст, едва пригубив, отняла

И поднесла Мукбилю. К ней влеком,
Он запыхал: не кубок, водоем

Он мог бы выпить, предложи она!
Он кубок залпом осушил до дна,

Но кубок наполнялся вновь и вновь.
Воспламенилась праведника кровь.

В нем не осталось разума следа,
Отбросило вино покров стыда.

Она была так ласкова, мила,
Что странника в смущенье привела,

Но так как странник невоздержан был,
То вскоре стыд во прах повержен был.

Желаньем жадным плоть его зажглась...
Не отводя от солнцеликой глаз,

Шептал он вожделения слова,
Любовного горения слова.

Владычица подводного дворца,
Прельщавшая влюбленного глупца,

Из рук его не отнимала рук.
Он корчился в огне телесных мук.

Сраженный похотью, лишенный сил,
Чертог он диким воплем огласил:

"Мою ты душу сделала больной,
Лекарства дай мне, сжался надо мной,

В сближении с тобой познаю мир!"
Но, сахарно-смеющийся кумир,

Ответила красавица с мольбой:
"Мой друг, усилие сделай над собой.

Мы пили много, разум погубя,
Сегодня хватит этого с тебя.

А завтра здесь пойдет горою пир,
Я завтра свадебный устрою пир,

С тобою в брак на радость всем вступлю,
И как жена я в твой гарем вступлю.

В моем саду оставь запретный плод,
Получишь завтра ты заветный плод.

Терпи: к чему до времени сниматня,
А на престоле золотом - меня.

Произведенье кисти колдовской

Владыке джиннов принесло покой.

Пленился ты подобьем красоты:
Меня и не меня увидел ты.

Сперва изображение ты познал,
Теперь со мной сближение ты познал!"

Возликовал Мукбиль: ее слова
Рассеяли завесу колдовства,

Любовь прочел он на ее лице,
Он счастлив стал в Сандаловом дворце...

Знай: жизни упоение - сандал,
Любви успокоение - сандал.

Он валит с ног: заходится душа,
Его благоуханием дыша".

Когда красноречивый гость затих,
Бахрам успокоение постиг.

Заснул он, к сновидениям влеком,
Сандаловым овеян ветерком.

Пятница. Бахрам в Камфарноцветном⁷ дворце

Чуть алебастром выбелил восток
День пятницы, высокий сей чертог, -

Фигляр небес во весь явился рост,
В широкий рот бросая зерна звезд.

Поднялся жар горячечный небес,
А в это время в прачечной небес

Отмыла прачка утреннюю ткань,
Наполнив пеной солнечной лохань.

Одетый в белый шелк, явился шах,
И потонул весь мир в его лучах.

Шах солнцем светозарным засиял,
Под куполом камфарным засиял.

⁷ Камфара - кристаллическое ароматное вещество белого цвета, добываемое из камфарного дерева, в поэзии - символ белизны.

Царевна, облачившись в белый шелк,
Была готова свой исполнить долг.

В одеждах белых были гости там.
Белел престол слоновой кости там.

Уселся на престоле шах Бахрам,
Вновь обратив свое лицо к пирам.

Красавица, в Китае рождена,
В китайский кубок налила вина.

Хоть кубок сей - китайским кубком был,
Но, сделан из фарфора, хрупким был.

До вечера Бахрам с царевной пил,
Он более, чем каждодневно, пил!

Когда погасло солнце ввечеру,
Когда рассыпал месяц камфару,

Бахрам, заснуть возжаждав до утра,
Лег под навесом белого шатра.

Среди гостей присутствовал мудрец,
Скиталец, мыслей-жемчугов ларец.

Он, сидя пред веревками шатра,
Молиться стал, исполненный добра:

"О шах! Пусть превратится в твой навес
Необозримый древний свод небес,

Пусть раем станет белый твой дворец!"
Молитву сотворив, сказал мудрец:

Рассказ путника, приведенного с дороги в Камфарноцветный дворец

"Я много видел на своем веку,
Из виденного сказку извлеку.

В трудах дорога пройдена моя,
Страна Хорезма - родина моя.

Дорога музыки - русло мое,

Игра на сазе - ремесло мое.

Постиг я, музыку держа в руках,
Науку о ритмических кругах⁸.

Со мной в моем высоком ремесле
Никто не в силах спорить на земле.

Я обучаю музыке людей,
Верней, учитель я учителей,

Вот слух промчался из конца в конец:
Китай покинув, к нам идет купец:

Сокровищам его потерян счет,
Невольница его - сердца влечет.

Хотя ходжа неслыханно богат,
Она красой богаче во сто крат.

При красоте, с ума сводящей мир,
Еще пленяет голосом кумир

И якобы игрою колдовской.
Хорезм, волнуясь, потерял покой,

Встречать купца весь город вышел вдруг,
Чтоб убедиться: справедлив ли слух?

Все оказалось правдою: купец,
Богобоязненности образец,

Владельцем был бессчетною добра.
Молился он от ночи до утра:

Он был подобен утренней заре
На маленьком молитвенном ковре.

Не менее, чем он, была знатна
Невольница его: свой род она

Вела от неба, гурии сродни, -
Ее владельца с ангелом сравни!

Рука его, как море, широка:
Жемчужиной владела та рука!

⁸ Науку о ритмических кругах. - На Востоке было принято изображать формулы музыкальных ритмов в виде кругов.

Ее лицо - как солнце, но оно
За облаком всегда затаено,

Нет, облаком одето камфары, -
То покрывало цвета камфары!

Все, что на ней, сияло белизной,
Красавица отвергла цвет иной.

Был слышен голос юный каждый день,
Она ласкала струны дважды в день,

За пологом налаживала чанг,
Рукою завораживала чанг,

Созвучен струнам был ее напев,
Пленялся весь Хорезм, оцепенев, -

Полдневною, полночною порой -
Волшебною восточною игрой!

Ее дворец весь день со всех сторон
Был толпами влюбленных осажден,

Но в дом никто еще не заглянул,
Никто поднять завесу не дерзнул,

Лишь каждый день, сраженный наповал,
В толпе влюбленных кто-то умирал.

Сердцами полновластно завладев,
Погибель приносил ее напев,

Но музыка так сладостна была,
Что и погибель радостна была.

Настраивала гурия струну -
Расстраивала гурия страну...

...В Хорезме я давно пленил сердца
Искусством музыканта и певца -

В напевах руда проходил мой день,
Как песнь, как чудо, проходил мой день.

Дастаны распевал я на пирах,

Но музыкантшей был растоптан в прах.

Дошел волшебный голос до меня,
И сердце расколосось у меня.

Народ превозносил ее напев,
К моим чудесным звукам охладев.

Вся жизнь мне опостылела тогда,
А сердце обессилело тогда.

Но я придумал, как беде помочь,
Как отогнать печаль и смуту прочь.

Я камфары так много проглотил,
Что сердца жар навеки остудил.

От силы я избавился мужской,
В девический направился покой.

Сидел в гареме радостный богач,
Когда внезапно испустил я плач.

В ответ услышал я слова ходжи
И гурии невидимой: "Скажи,

О чем твой стон? В каком горишь огне?"
А я: "От вас была обида мне".

Они: "Клевещешь, странник, ты сейчас,
Обида не в обычае у нас.

Быть может, нас ты принял за других?
Но впредь ошибок избегай таких!"

Сказал: "Я все же на своем стою:
Должны вы повесть выслушать мою,

Вознаградить меня за правоту
Или прогнать меня за клевету".

"Начни", - сказали. Помолясь сперва,
Неспешно я повел свои слова.

Смеясь, мою признали правоту
Купец в чалме и кипарис в цвету,

Пока не стал я говорить ясней,
Как я мечтаю до скончанья дней

Жить возле пери, во дворце ее,
Найти наставницу в лице ее,

Все дни свои дастанам посвятить,
Занятым неустанным посвятить;

Пусть долговечен буду я, как Нух, -
Ее напевы мой насытят дух,

А если пищу мне подаст ходжа,
Я буду счастлив, двум друзьям служа.

Хотя сейчас безволен я и слаб,
Я царь в своем искусстве, а не раб!

Учитель я среди хижин и дворцов,
Хорезмских музыкантов и певцов.

Я в музыке сильней, чем Афлатун,
Но все же мастер я, а не колдун.

Постиг я суть искусства своего,
Но пери нам явила волшебство:

Где слыхано, чтоб, сладко зазвенев,
И сеял смерть, и жизнь творил напев?

Так сетовал и жаловался я,
Так плакал и печаловался я.

И, тронув эти мягкие сердца,
Услышал слово ласки от купца:

"Когда ты нам свой разум посвятишь,
Когда наш слух ты сазом усладишь,

Я позабочусь о твоей судьбе.
Но как мечту осуществить тебе -

Стать гурии наперсником, слугой?
Как может муж войти в ее покой?"

А я: "Себя избавьте от забот:
Во мне мужская сила не живет.

Я был игрою пери посрамлен,
Как жалкий подмастерье побежден.

Готовя для содружества себя,
Навек лишил я мужества себя.

Из-за ее пленительной игры
Так много проглотил я камфары,

Что охладил навек я плоть свою;
Пред пологом камфарным я стою:

Пусть ваш слуга, Кафуром⁹ наречен,
От полога не будет отлучен!"

Их поразил мой искренний рассказ.
Они осмотр устроили тотчас

И, убедившись в том, что был я прав,
Мне выказали дружбу, приласкав.

Вступил в девичий заповедник я.
Служил ходже как собеседник я.

Пред пологом - советник я ходжи,
За пологом - наперсник госпожи,

И так как нас сближало ремесло,
То смысл существованье обрело.

Когда я, жизни смысл уразумев,
Стал вслушиваться в сладостный напев,

Его тоски я глубину постиг;
Был голосом влюбленной - каждый стих,

Унылы были звуки в тех стихах,
Звенела боль разлуки в тех стихах.

Людей вдали, со мной наедине,
Красавица рыдала в тишине...

Она явила мне свой добрый нрав,
Меня своим наперсником избрав,

⁹ Кафур - "камфара".

До полночи беседуя со мной,
Томления не ведая со мной,

А если сон чуждался госпожи.
Она просила: "Сказку расскажи".

Я сказкою спешил ее развлечь,
И если шла о расставанье речь,

Блестели слезы на ее глазах,
Открылась правда мне в ее слезах:

Красавица в кого-то влюблена,
Разлукой отуманена луна,

В нее вонзила тернии любовь,
Да так, что в голос просочилась кровь.

Она бы в муках изошла, сгорев,
Когда б не превратила боль в напев.

Я слушал звуки: в них любовь жива, -
Услышать я хотел ее слова.

И вот, когда я не внимал игре,
Я говорил о зле и о добре,

Я речи заводил издалека,
Желая откровенности, пока

Не стал послушен мне ее огонь,
Ее гордыни норовистый конь.

Тут я сказал: "О светлая звезда,
Пусть горя ты не узришь никогда!

Осмелюсь ли тебе задать вопрос?"
Сказала: "Задавай". Я произнес:

"Давно, твой прах, у ног твоих лежу.
Давно, твой раб, я за тобой слежу.

Веселье, скука и печаль - равно
В твоих очах открыты мне давно.

Ты сердцем сердцу моему близка.
Я понял, что гнетет тебя тоска.

Ее причина названа давно:
Нам скрыть разлуки язву не дано.

Недаром ты, мучений не стерпев,
Переложила боль свою в напев!

Ты превратила в песню горький плач, -
Но от меня своей тоски не прячь.

Ты сердце сердцу близкому излей,
Быть может, сердцу станет веселей,

Быть может, исцелю я твой недуг,
Я тайну сохраню, как верный друг".

Подумав, так ответствовала мне
Красавица, подобная луне:

"Лишь правда украшает наш язык.
Ты к правде близок. В тайну ты проник.

Остановись и друга пожалей,
Не требуй откровенности моей,

Не то страданья увеличишь ты,
Тьму бедствий на меня накличешь ты!

Поведать, как терзаюсь я, любя?
Не вижу в этом пользы для тебя!

Одно из двух: иль с нами ты живи,
Иль прекрати расспросы о любви.

Узнаешь тайну, - голову склоня,
Покинуть должен будешь ты меня.

От друга ничего не утаю,
Но друг покинет родину свою".

Был приговор красавицы суров.
В расстройство я пришел от этих слов

По целым дням задумчив и уныл,
По городу без цели я бродил.

Я мучился, хотелось мне проклясть

Изгнанья страх и любопытства страсть,
Но жаждал я в ее проникнуть песнь,
Но жаждал я понять ее болезнь.

Терзаясь так меж двух ужасных зол,
Войдя в гарем, я разговор повел:

"Я изнемог, печален и угрюм,
Одна лишь дума заняла мой ум,

Узнать хочу я про твою беду,
Потом, куда прикажешь ты, пойду».

Воскликнула прекрасная луна:
"Твоим решением я удивлена,

Решенья твоего я не пойму:
Удар себе наносишь самому.

Клянись мне, что исполнишь мой приказ,
Покинешь город, выслушав рассказ".

Прогнал я облако с ее чела,
Поклявшись ей, и пери начала:

"Участье принял ты в моей судьбе.
Моей печали не понять тебе,

Когда я повесть про свою беду
С начала самого не поведу.

Наперсник сострадательный, узнай:
Моя страна и колыбель - Китай.

Забот не зная, в счастье я росла,
Когда война мой город потрясла.

Два хана меж собой вступили в бой,
Я стала одному из них рабой.

Вошла ребенком я в его гарем,
Познала я невольничий ярем.

У хана приобрел меня ходжа,
Мной, как восточным солнцем, дорожа.

Пусть дорога отныне я была,
Я все-таки рабынею была,

Его рабыней купленной, хотя
Меня ценил он, как свое дитя,

Затем, что не дал бог ему детей.
И вскоре оказалось, что людей

Моя пленяет сладостная речь,
Что может голос мой сердца привлечь,

Что ясно я стихи произношу,
Что музыкой я радость приношу.

Великодушный, щедрый, как отец,
Певцов ко мне стал приглашать купец,

Прославленных, великих знатоков,
Слагателей напевов и стихов.

Прошли недели, месяцы, года
Учения, усердного труда, -

Дало плоды терпение мое,
Чудесным стало пение мое.

Достигла я такого мастерства,
Звенели сладко так мои слова,

Что я дарила песней благодать,
Смеяться заставляла и рыдать,

Стихом искусным оживляла всех,
Напевом грустным усыпляла всех.

Мой чанг казался чудом волшебства,
О голосе моем пошла молва,

Молва росла все громче и сильнее
О несравненной красоте моей.

Когда известно стало старикам
И юношам - искусства знатокам -

О том, что есть певица у купца,
Пленяющая голосом сердца,

Стремясь к рабыне, полные тоски,
Все богачи открыли сундуки,

Отвешивали богачи добро,
Камень, золото и серебро,

Чтоб у ходжи меня приобрести.
А тот, поняв, что я в такой чести,

Что покупателей моих число
Чем далее, тем более росло,

Что превратился весь Китай в базар, -
Стал цену набивать на свой товар...

Художнику творения сродни,
В Китае жил художник в эти дни

По имени Мани; со мной знаком,
Он облик мой изобразил тайком,

Отправился в дорогу поскорей,
Рисунок показал царю царей.

То был властитель мира, шаханшах,
Правители пред ним склонялись в прах,

Увидев образ мой на полотне,
Такой он страстью воспылал ко мне,

Что приказал, не тратя лишних слов,
В Китай отправить сведущих послов,

Невольницу добыть любой ценой,
Пожертвовать китайскою казной.

Хотя хакан хотел меня купить,
Он вынужден был шаху уступить,

Вручив ходже всего Китая дань,
Красе великой отдавая дань,

Невольницу, премудры и светлы,
Царю царей доставили послы.

Жемчужина попала в океан,

И наградил своих послов султан,

Вознес превыше всех людей земли:
Они возлюбленную привезли!

Моим жилищем шахский стал цветник.
Когда хотя бы на единый миг

Шах разлучиться должен был со мной,
Ему пустым казался мир земной.

Была прибытком жизни для него
Моя краса. Нет, более того:

Когда меня, влюбленный, он познал,
Бессмертия законы он познал!

Он время проводил в степях, в горах,
В охоте, в шумных игрищах, в пирах.

Гнал скакуна к степным тюльпанам он,
Онагров уловлял арканом он.

Он гнал онагра перед скакуном,
Онагра мясо запивал вином,

Онагра кровью землю орошал, -
Тюльпанами он землю украшал.

Но увлечен ли ловлею он был,
Или под мирной кровлею он был,

Не знал он наслажденья без меня,
Не мог прожить мгновенья без меня.

В нем таяла отвага без меня,
Не делал он и шага без меня,

При мне сгорал и тлел, как пепел, он,
И если я не пела - не пил он.

Когда затягивала я напев,
Стонал он, от восторга ослабев.

Уединяясь и гуляя с ним,
В степи ли, в городе - всегда я с ним,

Во время ли прогулок, во дворце ль, -
Он постигал во мне всей жизни цель.

О подданных забыл он, о стране,
Все дни и ночи посвящал он мне.

Ко мне пришла нечаянно любовь.
Любовью отвечая на любовь,

Его желала с силою такой,
Что волю я теряла и покой!

Горел огонь томленья с двух сторон,
Был тем огнем небесный свод зажжен.

Послала мне счастливая судьба
Не шаха, а покорного раба.

А я, хотя рабынею была,
Обольщена гордынею была.

Я видела, что шах - мой верный раб,
И становился мой рассудок слаб.

Я - скверная, ковер мой черным был¹⁰,
А гордый разговор мой вздорным был.

Случилось так, что шах, надев колчан,
Охотился. Он весел был и пьян.

Я - рядом с ним, с поклонником вина,
От самопоклонения пьяна.

Сказал он: "Вот проворная газель,—
Как ты укажешь, попаду я в цель".

А я в ответ: "Мой ловчий удалой,
Передних две ноги ты сшей стрелой,

А горло перережь издалека".
Хотя была задача нелегка,

Он, как велела я, убил газель:
Таких удач не видел мир досель!

Мне поклониться бы стреле его,

¹⁰ Я - скверная, ковер мой черным был. - Диларам говорит о своем незнатном происхождении.

Превознести бы в похвале его,

А я, прищутив горделивый взор,
Такой тогда сболтнула глупый вздор,

Что если б слугам отдал он приказ
На сто кусков рассечь меня тотчас,

То мягким был бы этот приговор!
Хотя и оскорбил его мой вздор,

Хотя была мне воздаяньем - смерть,
Вернее, слабым наказаньем - смерть,

Моим ответом гордым раздражен,
Не обнажил он гнева из ножен,

Но приказал, чтобы его рабы,
Меня связав, на произвол судьбы

Меня в пустынной бросили глуши,
Где человеческой не было души.

Когда прошли две ночи и два дня,
Ходжа, что звал дитятею меня,

Но продал, потеряв со мною связь,
Затосковал, продажи устыдись.

Он против горя устоять не мог,
С разлукой споря, устоять не мог,

Китай покинув, он пустился в путь,
Чтоб снова на дитя свое взглянуть.

Его дорога вдоль пустыни шла,
Над нею ночь сгущалась, как смола,

Когда, в двух переходах от меня,
Приемный мой отец погнал коня,

Шарахнувшись, сошел с дороги конь,
С дороги сбился быстроногий конь.

В сопровождении немногих слуг
Ходжа в пустыне заблудился вдруг,

Но, видно, счастья ночь вела его
В ту сторону, где дочь была его...

...Найти приют решил наш караван
В какой-нибудь из чужедальных стран.

Поскольку был от нас далек Хорезм,
То взоры всех людей привлек Хорезм.

С любимым я рассталась навсегда,
От жизни отказалась навсегда.

К чему мне утешения слова?
Разлука - это смерть, и я мертва.

Друзья считали, что предупредят
Больного тела моего распад,

И сыпали на саван камфару:
Мой саван стал подобен серебру.

Достигли мы Хорезма наконец,
В Хорезме водворился мой отец...

Далек ты мне иль близок, но поверь,
Что знаешь ты всю жизнь мою теперь...

...Когда я грустный выслушал рассказ,
Простился я с красавицей тотчас.

С тех пор брожу из царства в царство я,
С тех пор терплю судьбы коварство я.

Царя не одного я посетил,
Но в тайну никого не посвятил,

Пока не встретил с лаской ты меня,
Сказав: "Порадуй сказкой ты меня".

Придумать лучшей сказки я не мог.
К тому ж камфарноцветный твой чертог

Напомнил ту, кто плачет и скорбит,
Кто - жертва незаслуженных обид,

Кто гаснет в белом саване своем,
Разлучена с возлюбленным царем,

Кто саван осыпает камфарой,
Кто мир пленяет дивною игрой,

Являя людям волшебство свое,
Кому подходит лишь одно жилье,

О шах, - камфарноцветный твой дворец!"
На этом сказки наступил конец.

То оживал, то умирал Бахрам,
Пока внимал сказителя словам,

В глазах то мрачно было, то светло:
Известье об исчезнувшей пришло!

Терзаясь, и пылая, и скорбя,
От крика он удерживал себя,

Боясь: поймет рассказчик этот крик,
И свой рассказ прервет он в тот же миг:

Тогда от боли задохнется шах,
К сознанию боле не вернется шах...

Но вот закончил странник свой рассказ,
И вопль Бахрама весь дворец потряс.

Призвал к себе сказителя Бахрам,
И волю дал он радостным слезам,

И вестника прижал к груди своей!
Покинул шаха жизни соловей,

Сознание покинуло его,
Казалось, жизнь отринула его...

Как воду жизни, странник весть принес,
Но превратилась весть в источник слез.

Что сделает, придя в сознание вновь,
Тот, чье сознание унесла любовь?

Возвращение Диларам к Бахраму

Когда в ту ночь услышал шах слова

О том, что луноликая жива,

Он до утра не мог прийти в себя,
Сознание внезапно погубя.

В незримом он пылании страдал,
Как жертва при заклании страдал,

То падал, то вставал, чтоб вновь упасть,
Влюбленного обугливала страсть;

Когда ж нетерпеливая любовь
Ему рассудок возвращала вновь,

Приказывал он путнику тотчас
Чудоподобный повторить рассказ.

Он был печален, как ночная тень,
Пока не рассмеялся ясный день.

Дыханье утра обожгло простор,
Оно раздуло солнечный костер,

И, благодарный солнечным лучам,
Возжаждал шах сближенья с Диларам:

Украсила красавица Хорезм, -
Теперь он сам отправится в Хорезм,

Направит он в ту сторону стопы!
Но государства мудрые столпы

Сказали: "Шах! Ты потерял покой,
Недуг разлуки овладел тобой,

Хотя болезнь губительна весьма, -
Дорога утомительна весьма.

Страшна любовь - владычица твоя,
И слабость увеличится твоя.

Подумай о своей державе, шах:
Столицу покидать не вправо шах!"

За ними вслед, усердием горя,
Врачи старались убедить царя:

"Внемли нам, царь, и милость нам яви.
В тебе видны все признаки любви,

Но вспомни признаки горы: покой,
Степенное величье, связь с землей.

Гора всегда недвижна и тверда,
Лишь двинется в день Страшного суда.

Пребудь горой степенной, шах Бахрам,
Не разрушай вселенной, шах Бахрам!

Расстанешься ты с давнею тоской,
Но в ожиданье сердце успокой".

Их выслушав, Бахрам в конце концов
Назначил добродетельных гонцов,

Подобных ангелам по чистоте,
Соперников небес по быстроте.

Велел он два послания вручить,
Страницы покаяния вручить:

Письмо к ходже - моления полно,
Письмо к луне - смущения полно.

Ходже такие написал слова:
"Дошла до слуха нашего молва,

Что вы в Хорезме обрели приют:
Мы разрешенье обрели от пут,

Услышав эту весть. Мы просим вас:
В обратный путь пуститесь к нам тотчас,

В движенье пребывайте день и ночь,
Сон от очей, как мы, гоните прочь".

Красавице писал он кровью слез,
Всего себя он в жертву ей принес:

"С тобою разлучен, я ранен в грудь,
Так отправляйся поскорее в путь!

Я раб, я пленник твой. Приди ко мне,
Не то умру я по твоей вине.

Любимая, как жизнь ко мне приди,
Чтоб сердце билось у меня в груди.

Приди: с тобою встретиться спеша,
Уже летит к тебе моя душа.

Приди: уже струится кровь моя
Тебе навстречу, о любовь моя!

Приди: от мук освободи меня,
Верни мне душу, пощади меня!

Приди, как светоносная заря,
Лети, как пери, в облаках паря,

Разлуки не мечи в меня стрелу:
Хотя убийца я по ремеслу, -

Гляди, покорен я: на шее меч,
Я в саван поспешил себя облечь.

Не думай, что к тебе я не пришел -
Любя, благоговая, не пришел -

Из-за излишней гордости своей
Или упрямой твердости своей.

О нет, недугу тела и души
Отсутствие мое ты припиши!

Я без тебя ничтожным стал, как раб.
Увы, я так беспомощен и слаб,

Что воду я не в силах пить: я пью
Не воду, мнится мне, а кровь свою.

Я пленник, - будь мне госпожой: приди!
Я болен телом и душой: приди!

Я мертв, - ты смерть сумеешь побороть,
Ты жизнь вдохнешь в безжизненную плоть.

Приди ко мне, как солнце поутру.
Приди: промедлишь ты - и я умру».

Царю Хорезма он послал приказ:

"Купцу вручи ты деньги и припас,

Потребный для дороги по степи,
В обратный путь купца поторопи".

Как ветер, вестники пустились вскачь,
И, превращая каждый шаг в ягач,

К хорезмскому примчались рубежу,
И, отыскав почтенного ходжу,

Письмо ему, как ветер, принесли.
Он взял его, склонившись до земли,

Но поднялась до солнца голова,
Когда прочел он шахские слова.

Сияя, Диларам письмо прочла, -
Стал ярче солнца свет ее чела.

Хорезма шах призвал к себе ходжу,
Сказал: "Царю я с радостью служу".

Купцу вручил он деньги из казны,
И были сборы все завершены,

И в сторону Бахрамова дворца
Пошел счастливый караван купца.

Без отдыха он двигался вперед,
И вот один остался переход.

Великим нетерпением обуян,
Решил Бахрам пуститься на обман.

Едва настала ночь, дворец заснул, -
Он бдительность придворных обманул

И поскакал навстречу Диларам, -
Скажи: навстречу солнечным лучам.

А караван проделал трудный путь,
И странники решили отдохнуть:

Им сон смежил усталые глаза,
Замолкли каравана голоса.

Ко сну склонилась равная заре
В разбитом около ручья шатре:

Желала отдохнуть царица роз.
На берегу чинар высокий рос,

Пещерою казалось в нем дупло,
Его огнями молний обожгло,

Был ствол его глубоко рассечен:
Так душу рассекает страстный стон...

Шах крепко привязал коня к скале,
Сам спрятался в чинаровом дупле.

Внезапно он обрел себя в раю,
В шатре увидев гурию свою.

От глаз ее умчался легкий сон.
Творцу смиренный сотворив поклон,

Дыханием любви опалена,
Волшебный чанг настроила она

И стала петь, к чинару прислонясь,
К возлюбленному сердцем устремясь.

Ее певучий и протяжный стон
Был горестью разлуки напоен.

Вздыхая, пери подошла к ручью,
И там переложила в песнь свою

Она слова Бахрамова письма,
А музыку подобрала сама.

Как льются слезы, песнь ее лилась,
О нет, не слезы - кровь текла из глаз.

Внимая ей, все замерло вокруг,
Вонзался в сердце шаха каждый звук.

Луна, в любовном пламени сгорев,
Заговорила звонко, нараспев:

"О трудный путь, как долог ты, увы!
О зной! Навис, как полог ты, увы!"

Я так слаба, а жар степной горяч,
Увы, мне больше не под силу плач!

Меня смертельно ранила тоска,
Мне кажется, что смерть моя близка.

О небо, нет, не склонно ты к добру!
О низкое, ужели я умру,

Желанного я не увижу дня,
Когда любимый мой призвал меня?

К его ушам слова мои направь,
К его ногам глаза мои доставь,

С любимым близость - вот отрада мне,
А радости другой не надо мне!"

Бахраму в грудь напев ее проник.
Шах разорвал, рыдая, воротник,

Его дыханья огненного жар
Траву обжег и опалил чинар.

В беспамятстве Бахрам упал к ногам
Своей огненноокой Диларам:

Так падает, прижав к груди ладонь,
Огнепоклонник, увидав огонь,

На пери так взирает дивона!
И пери, встречей той поражена,

Упала, онемев, к его ногам.
Смотрите же: лежит без чувств Бахрам,

Он распростерт, она у ног царя,
Он - тень всевышнего, она - заря.

Когда Аллаха тень легла на луг,
Заря спустилась к этой тени вдруг.

Она и он повержены во прах:
Она без чувств, и без сознания шах.

Смотрите же: тоске пришел конец...

Диковинны дела твои, творец!

Но вот заря расправила крыла,
Двух любящих в беспамятстве нашла,

Открыло утро свой камфарный клад,
Над шахом белый разостлав халат.

Проснувшихся людей объял испуг:
С подругой рядом оказался друг!

Их встречей был обрадован купец:
Слетела птица счастья наконец!

Он от влюбленных отогнал людей,
Велел завесу принести скорей.

Камфарноцветным было полотно:
Как облако камфарное, оно

Чету сокрыло от людей вдали.
Когда в себя влюбленные пришли,

Сказал своей красавице Бахрам...
Но что сказал - того не знаю сам,

Не только человек, - и ветерок
Не смел шатра переступить порог!

Итак, достиг желанного Бахрам.
Примчалась свита по его следам.

Вернулись к шаху сила, счастье, смех,
Веселье шаха оживило всех.

Бахрам вручил купцу вазира власть,
И потерял купец к наживе страсть.

И вот растаял утренний туман,
Отправился в столицу караван.

Гибель Бахрама

В этой главе Навои рисует картину кровавой охоты, стоившей жизни шаху, предававшемуся излишествам. Видимо, эта сцена, - образное предостережение правителю Герата Султану Хусейну (Хусайни), известному гедонисту.

Когда вернулся в город шах Бахрам,
Он вновь предался играм и пирам.

Болезни прежней не страшась угроз,
Он пил вино, вдыхая запах роз,

Все дни недели беспечальный шах
Стал проводить в своих семи дворцах,

Внимать луноподобным, как в раю,
Лаская луноликую свою:

Пусть много есть красавиц для утех,
Одна - любимей и желанней всех.

Дворцы менялись - и менялся цвет....
Так несколько прошло веселых лет.

"Во здравье!" - так он клики возносил.
К небесному владыке возносил.

Но всякому дыханью есть предел.
"Во здравье!" - раз он крикнуть не успел,

И небо, потонувшее во мгле,
Царю могилу вырыло в земле...

Увы, не диво сей короткий век:
Сто поколений царствуй человек,

Владыкою слыви семи чудес,
Под куполом живи семи небес,

Бахрам небес будь часовым его¹¹, -
Нельзя назвать вечно живым его:

И он, увы, уйдет в конце концов,
В могилу не возьмет своих дворцов...

Бахрама завершилось бытие:
Он завершил желание свое.

Когда, веселья окружен людьми,
Он пил вино во всех дворцах, в семи,

¹¹ Бахрам небес будь часовым его. - То есть планета Марс (Бахрам), покровитель воинов.

Все дни и ночи посвятив пирам, -
Сопутствовала шаху Диларам,

Слова ее звенели для него, -
Все песни, все газели - для него!

Когда в стенах скучал он четырех,
Он для охоты покидал чертог,

А рядом с ним подобная луне
Протяжно пела на лихом коне.

Она дарила жизнь своим лицом,
Она была и кравчим и певцом;

Для пира - украшением была,
Для сердца - утешением была;

Труд и молитву с ней делил Бахрам,
Пир и ловитву с ней делил Бахрам...

Случилось, что устроил царь царей
Широкою облаву на зверей.

Он, мнилось, обложил небесный свод,
Где, как звездам, зверям терялся счет.

Напрасно зверь, чтоб убежать отсель,
Выискивал хоть маленькую щель!

Вот, выгнав дичь на неоглядный луг,
Загонщики образовали круг, -

Со всех сторон на зверя всех родов
Они в пятнадцать двинулись рядов.

Вот круг до трех был сужен ягачей.
Охота сразу стала горячей.

Смешались рев зверей и ловчих клич,
Убитая и раненая дичь.

В цветник тюльпанов превратился луг,
Кровь разлилась потоками вокруг.

Куда ни глянь - полно кровавых луж,
Полно звериных душ - бесплотных душ.

Несутся звери, высунув язык.
Везде - преграда, западня, тупик.

Несутся - тщетный труд: спасенья нет,
Куда ни побегут - спасенья нет:

Их обступают ловчие кругом,
Прямые стрелы падают дождем!

Так без вины погибли существа, -
Душа в любом из них была жива.

Убийцей должен зваться человек:
Он бытие живых существ пресек.

Он, ловчий, жаждой крови обуян:
Недаром и одет он, как тюльпан,

Недаром кровь, куда ни глянет глаз,
Арыками повсюду растеклась,

Широкий луг весь потонул в крови:
Кровопроводом ты его зови!

Кровь потекла, по желобам струясь,
А под землей была вода и грязь.

Земля была болотистой землей.
Ее покрыла, пыль, за слоем спой.

Пригрело солнце, дал ей силу дождь,
И вот она травы познала мощь:

Росла в болотной сырости трава, -
Сумела мощно вырасти трава.

Земля ее вспоила изнутри:
Недаром стебли толщиной в кари.

Она с землей корнями скреплена,
От корня - и травинок прямизна!

Арыки крови ныне потекли,
Со всех сторон к середине потекли.

Взгляни-ка: вот блестит она, земля,

Но кровью вся пропитана земля,

С болотной водою кровь слилась,
Людей по пояс засосала грязь,

Взгляни-ка: тонут вихри-скакуны,
По щиколотку в грязь погружены.

Спустилось покрывало в этот миг, -
Нет, облако закрыло солнца лик,

И хлынул дождь на человечесий скоп,
И вновь всемирный начался потоп!

Все видят: нет пощады их греху,
Вода - внизу, кругом и наверху!

Кругом, внизу и наверху - вода!
Будь даже, как кирпич, земля тверда,

Но если войско, загоня дичь,
С усердием начнет тереть кирпич, -

Он сотрясется, как бы ни был тверд,
Охотниками в порошок истерт.

А тут еще по облику земли
Арыки жаркой крови потекли!

Становятся они мутней, грязней,
Копытами испуганных коней

Растоптан каждый, в слякоть превращен,
Тут начинает плакать небосклон,

Шумит, как море, гневная вода,
На землю низвергается беда.

Напрасно все бегут и стонут все:
Куда б ни побежали - тонут все!

Творили люди на охоте смерть,
Но сами обрели в болоте смерть.

Когда, облавы суживая круг,
Вся рать Бахрама съехалась на луг,

На землю бремя трудное легло.
Ей стало это бремя тяжело,

Она погнулась - медленно пошли
Сто тысяч седоков ко дну земли.

Тогда вокруг образовался ров,
А влага вырвалась из берегов.

Увидев: поле влагой залито,
Над влагою земля - как решето,

Все поняли: то - мертвая вода,
И все от жизни отреклись тогда.

Погибли и охотники и дичь,
Добыча и захватчики добыч.

Бахраму смерть принес его поход:
Так жертвой стал он собственных охот.

За дичью он велел скакать коню, -
Охота превратилась в западню.

Попали в западню джейран и лев, -
Погибли оба, разом смерть узрев.

Зверь кровожадный и пугливый зверь, -
Нет между ними разницы теперь.

Вот двое ловчих крепко обнялись,
Чтобы спастись, они в одно слились,

Но в миг, когда они слились в одно,
Трясина затянула, их на дно.

Напал на всех, как муравейник, страх.
Как муравей, ушел под землю шах.

Его жилье отныне - яма, гур,
Недаром прозвище Бахрама - Гур!¹²

Сей низкий мир - прожорливый дракон,
И пожирать людей - его закон.

¹² Недаром прозвище Бахрама - Гур! - Игра слов: "Гур" - "Онагр" (прозвище Бахрама, удачливого охотника на онагров) и "гур" - "могила".

Десятка недостаточно: злодей
Глодает разом тысячи людей.

Принес он гибель многим существам,
Но вот что удивительно: Бахрам,

Великий и могущественный шах,
Повергший всех врагов своих во прах,

Над миром грозно утвердивший власть, -
И этот шах попал дракону в пасть,

Исчез он вместе с войском навсегда,
Ни вести не оставил, ни следа.

Сей мир дракон? Нет, хуже во сто крат, -
Там, где дракон, бывает часто клад:

Мы знаем, что чудовище - дракон,
Но бережет сокровище дракон.

А что мы видим в мире? Прах и твердь.
Сокровища здесь нет, здесь только смерть.

Отраду жизни человек постиг,
Но может умереть он каждый миг,

Довольно мига, чтоб дракону в пасть
Не только телу - и душе попасть.

Но нам не хватит многих, долгих лет,
Чтоб избавление найти от бед.

Заключение,

в котором излагается наставление читателям и писцам
Интересная глава, читая которую, мы наблюдаем рефлексии гения.

Священную познал я благодать:
Я завершил чудесную тетрадь.

Но сколько раз, пока старался я,
Смутился я и колебался я!

Едва страница начата была, -
Внезапно закусало удила

Мое проворноное перо:
Седок рассказа гнал его хитро.

К благословенной цели я пошел.
Сказал бы: семь ущелий я прошел,

Сказал бы: семь стоянок в тех горах,
Где даже вихрь испытывает страх!

Немало перенес я на пути,
Но все же к цели я сумел дойти.

Тут мной сомнение овладело вновь.
Твердила мне душа: "Не прекословь.

Тот, кто рождает слабый, тусклый стих,
Не видит в нем изъянов никаких.

Стихи для вдохновенного творца -
Что собственные дети для отца,

А для отца - все дети хороши,
Частицы сердца, печени, души!

Уродливым ребенка назовешь, -
На взгляд отца он все-таки пригож!

Отвергнут всеми, дорог он отцу:
Так дорог стих отвергнутый певцу.

Как на свои созданыя ни смотри, -
В сих девственницах утренней зари

Ошибки никогда ты не найдешь
Найдя ее, ошибкой не сочтешь!

Как мне понять достоинства стиха?
Работа - хороша или плоха?

Известность обретут мои труды
Иль даром пропадут мои труды?

Ничто не тяжелее тех трудов,
Которые нам не дают плодов.

Когда нельзя стихом зажечь сердца, -
Бессмысленны все тяготы певца.

Увы, мы скажем о певце таком:
Стремился в храм, попал в питейный дом!

"Но как мне быть? - так я к себе взывал, -
Не надобно мне выпренных похвал, -

Я полагаться не хочу на лесть,
А сам себя судьей не вправе счесть".

Сомненье душу ранило насквозь,
Царапалось в ней что-то и скреблось.

И плакал и вздыхал я тяжело,
Но счастье в келью вдруг ко мне вошло,

Смеясь, сказало: "Что же ты грустишь?
Ты яхонты и жемчуга даришь,

Зачем же литься ты даешь слезам,
Подобным яхонтам и жемчугам?

Ты мне откроешь ли причину слез?"
Когда я счастья услышал вопрос,

Светлее показалась келья мне,
Жить захотелось для веселья мне,

Во всем открыться разом я решил,
И сердце я рассказом облегчил.

Сказало счастье: "Мой сердечный друг,
Народа жемчуг и знаток наук!

Тревогой ты напрасно обуян.
Боишься, что в стихах найдут изъян?

Оставь кручину, сердце успокой,
Знай, что изъян - несовместим с тобой!

Кто медным блюдом назовет луну?
Поверят ли такому болтуну?

Пернатые летают существа,
Но разве все незрячи, как сова?

Когда увидят змеи изумруд,

Они ослепнут, - может быть, умрут,

Но тот же изумруд неоценим:
Он возвращает зрение слепым.

Вот запах розового цветника:
Он - язва для навозного жука,

Но посмотри-ка: тот же запах роз
Больному облегчение принес,

Творенья твоего звезда взошла, -
Что для нее ничтожества хула?

Пусть онемееет у того язык,
Кто постоянно порицать привык!..

Так о невежде говорит народ:
"Собака лает - караван идет!"

Пусть брань тебя не трогает ничуть.
О горестях своих теперь забудь.

Себя, как видно, ты не знаешь сам,
Не знаешь ты цены своим стихам.

Мысль твоего творенья глубока.
Зачем шумишь, бурлишь ты, как река?

Как море, будь безмолвен, величав!"
Такую речь нежданно услышав,

Забывать былое горе я сумел,
Спокойным стать, как море, я сумел.

Когда-то бурно пенилось оно,
Жемчужин изумительных полно.

О, как они светились изнутри,
Играя блеском влаги и зари!

Жемчужинами нагружал я челн,
Вылавливал я их из пенных волн,

Нанизывал я их на нить стихов,
Но тайной скорби голос был таков:

Постигнут ли читатели мой стих
Так, как я сам его красу постиг?

Теперь ко мне пришло веселье вновь,
И осмотрел я ожерелье вновь,

И каждая жемчужина зажглась,
И увидел взыскательный мой глаз:

Хотя стихи нанизаны на нить,
Кой-где порядок надо изменить.

Пусть хороши жемчужины мои, -
Изъяны обнаружены мои.

Тогда стихи в порядок я привел,
Где нужно, перемены произвел,

Там - стих убавил, здесь - прибавил я,
Там - заменил, а здесь - поправил я,

Так стройности желанной я достиг,
И вот пришел к концу мой черновик.

Когда читатель, развернув тетрадь,
Начнет мои сказания читать,

И если, прелесть в них найдя сперва,
Захочет вдуматься в мои слова,

И если их с охотою прочтет
И только долю сотую поймет, —

То, если он умом и сердцем чист,
Одобрит он, похвалит каждый лист...

А тот, чье сердце грязно, темен ум,
Кто так далек от справедливых дум,

Что назовет стекляшкою сапфир, -
О правый боже, пусть вкусит он мир,

Ты ум его и сердце просвети,
Направь его по доброму пути...

Писец! В тебе я друга обрету,
Когда перу придашь ты остроту.

Я написал, а ты перепиши,
Пускай все буквы будут хороши,

Смотри не ошибись и невзначай
Расположенья точек не меняй.

За песней песню поведи пером,
Людьми помянут будешь ты добром.

Пусть будет труд отрадою твоей,
Достоиную наградою твоей.

А если по небрежности, писец,
Ты спутаешь начало и конец,

А если из-за денег вступишь в спор,
Пусть ляжет вечный на тебя позор,

В твой черный глаз, колюче и остро,
Пусть, как в чернильницу, войдет перо,

Пусть будет черным, как письмо, твой лик
И, как перо, расщеплен твой язык!..

Я выбрал эту книгу среди книг,
В ней, как в стране, я семь дворцов воздвиг,

Семь гурий поселил в семи дворцах,
Любуясь ими, веселился шах,

Семь сказок он узнал семи земель -
Моих стихов единственную цель.

Я дал название книге: "Семь планет", -
Пускай она теперь увидит свет.

Своих стихов я произвел подсчет:
Пять тысяч бейтов я повел в поход.

На них четыре месяца ушло, -
Вот дней труда примерное число.

Когда б своим я временем владел,
Когда б свободен был от прочих дел,

Своих стихов я завершил бы цель

На протяжении четырех недель.

Докучных дел обилие мое,
Из-за тебя бессилие мое!

Не потому ли я страдал и чах,
Что проходили дни в пустых речах,

В той смене лживых и правдивых слов,
От коих я давно бежать готов?

Я днем и ночью потерял покой,
И кажется мне ночь сплошной тоской,

Волнением дневным я утомлен,
Обилием людей ошеломлен.

Питание моей души - тоска,
И пища сердца моего горька.

Хотя меня обидел злобный рок,
Я книгу написал в короткий срок.

Быть может, стих мой вышел нехорош,
Но и плохим его не назовешь.

Сравнюсь ли я с великими людьми?
Индус Хосров, гянджинец Низами

(Ошибки их да зачеркнет аллах!)
Не помышляли о других делах,

Помимо говорения стихов,
Высокого творения стихов.

А я писал среди трудов и мук,
Досугу их не равен мой досуг.

Когда б моя звезда была светла,
Не молкла бы моим стихам хвала,

Пером я столько создал бы чудес,
Что даже своды светлые небес

Листами б нареклись моих стихов!
В такой короткий срок среди трудов,

Среди трудов в такой короткий срок
Я все же создал много тонких строк,

В короткий срок я нанизал стихи, -
Простительны моих стихов грехи...

Ну, Навои, пора кончать. Пойдем, -
Ты вправду оказался болтуном!

Мой труд! Начни в родной стране свой путь,
Народу моему желанным будь,

Чтобы могла сердца людей зажечь
Моя правдовзыскующая речь.

Да будут явны месяц, день и год
Сей книги завершенья: восемьсот

И восемьдесят девять, джумада
Вторая, пятница...¹³ Конец труда!

Иди, мое творение, в народ,
Пусть он в тебе святыню обретет,

Да будут всем стихи мои нужны,
Да будут с ними семь небес дружны,

Да будет их друзьями полон свет,
А покупателями - семь планет.

¹³ И восемьдесят девять, джумада вторая, пятница. - Поэма была завершена в пятницу месяца джумада вторая 889 года хиджры. В переводе на христианское летоисчисление - это одна из пятниц с 26 июня по 24 июля 1484 года.